

A stylized graphic of a building facade in shades of teal. The building has several rectangular windows, some of which are filled with a darker shade. A piano keyboard is integrated into the building's structure, with the keys represented by horizontal bars of varying lengths. The text 'ДИНА РУБИНА' is written in white, uppercase letters across the upper part of the building.

ДИНА РУБИНА

УРОКИ
МУЗЫКИ

Дина Ильинична Рубина

Уроки музыки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163784

Эксмо;

ISBN 978-5-04-147433-1

Аннотация

«Рано или поздно я все-таки напишу повесть о своих взаимоотношениях с Музыкой. Это будет грустная и смешная повесть.

Может, вернее было бы сказать: повесть о взаимоотношениях с моим музыкальным образованием, этой крутой, с шаткими ступенями лестницей, преодолеваемой мною семнадцать лет?...»

Дина Рубина

Уроки музыки

Рано или поздно я все-таки напишу повесть о своих взаимоотношениях с Музыкой. Это будет грустная и смешная повесть.

Может, вернее было бы сказать: повесть о взаимоотношениях с моим музыкальным образованием, этой крутой, с шаткими ступенями лестницей, преодолеваемой мною семнадцать лет? Да, семнадцать мучительных лет, полных тяжелого дыхания, мерцания в глазах и карабканья по ступеням – вверх, вверх, почему-то во что бы то ни стало вверх, – к диплому консерватории?.. Нет, именно с ней, Музыкой: с мачехой, а лучше и не с мачехой даже, а с отчимом – жестким, умным и справедливым отчимом, который в самое нужное время выбил дурь из головы и поставил на ноги...

Вбитое в меня высшее музыкальное образование сидит во мне как хронически воспаленный аппендикс и дает знать о себе в самые непредвиденные моменты жизни. И тогда виолончельная тоска, всегда настигающая меня в минуты соприкосновения с музыкальным прошлым, а вернее, и не тоска, а призрак тоски – ибо самой тоски уже не существует, она умерла и осталась в пределах этого прошлого, – призрак тоски сгущается и ласково притрагивается к живому моему сердцу, и тогда я вздрагиваю и говорю себе, что непременно

но, рано или поздно, напишу грустную и смешную повесть о своих взаимоотношениях с Музыкой.

Но еще не пора, еще не сейчас. И не потому, что я боюсь этих ножевых соприкосновений с прошлым, а просто сейчас о другом.

Другая история.

Той весной выходила моя первая книжка, и я жила ею. Вернее, я не жила, а проживала недели и дни мучительно-го, выматывающего душу ожидания. В доме жили магические обозначения типографских таинств: «первая корректура», «вторая корректура», «сигнал».

Я не могла работать... На письменном столе мертвой стопкой лежал недописанный рассказ, горел просроченный договор на пьесу. Я целыми днями валялась на диване и, закинув руку за голову, представляла свою не рожденную еще книжку. Ее синюю обложку и собственное свое имя – белыми буквами на синем.

За окнами природа творила весну или весна творила природу, – во всяком случае, каждый день приносил какую-нибудь новость: то зацветал урюк нежной дымкой, то появлялись стаи индийских птичек майна, юрко бегающих по траве.

Надо было отвлечься, закончить рассказ, дописать пьесу, выйти погулять и в конце концов сменить домашний черный свитер на что-нибудь полегче. Но я с утра до вечера валялась на диване в черном свитере и молча, напряженно пересили-

вала время. Я была парализована ожиданием. Целыми днями я ждала звонка из издательства. К вечеру, не дождавшись, звонила сама. Есть ли новости? Нет. Вероятно, на днях. На днях... На днях?! А как прожить эти дни?! Да кончится ли это когда-нибудь?! Существование в ожидании становилось ужасным, непереносимым...

Сейчас я думаю, что это были самые счастливые дни моей жизни.

Наконец однажды к вечеру позвонили. Да, поздравляем, прибыл сигнал. Моя редактриса говорила спокойно-приветливым голосом, будто ничего невероятного не произошло. Не было в ее голосе упоительного счастья, и это внушало к ней ненависть.

– Но сегодня вы не успеете приехать. До конца рабочего дня осталось полчаса. Придется подождать до завтра...

– Нет-нет, я успею! Такси поймаю, или частника, или грузовик! Мусорку! Поливалку! Я буду в издательстве через двадцать минут!

Выскочив из дома в том же черном свитере, я помчалась через двор – навстречу сбывшемуся счастью в синей обложке.

– Можно вас на минутку?

В нашем дворе жила семья каких-то восточных людей – не то персов, не то осетин, не то бухарских евреев. Отец семейства, щуплый человечек с щеголеватыми усиками, работал экспедитором, развозил на машине мороженые бараньи

туши. Часто в обеденное время во дворе стояла его машина с синим фургоном. А матери в семействе не было, вот какая беда у них стряслась, мать умерла за три года до всей этой музыкальной истории.

– Можно вас на минуточку? – ко мне, робко улыбаясь, подходил папа семейства. – Если вы не очень торопитесь.

– Да, пожалуйста. – Я чувствовала, что сатанею, но сложила на лице сложную гримасу приветственного внимания.

Мою жизнь всегда отягощали издержки домашнего воспитания, перегруженного традициями восточной вежливости и приветливого уважения ко всем – к старцам, к соседям, к знакомым, к незнакомым, к еле знакомым тем более, ведь они вроде бы знают тебя, но знают недостаточно, не дай бог составят о тебе превратное мнение... Папа восточного семейства как раз относился к отряду еле знакомых. Встречаясь во дворе, мы кивали друг другу.

– Да, пожалуйста...

– Мы незнакомы, но мы об вас знаем... – торопливо заговорил он, все так же робко улыбаясь. – Об вас во дворе хорошо говорят.

– Да? – вежливо удивилась я, не зная, что еще сказать по этому поводу. Секунды уносились прочь, книжка лежала в издательстве, на столе редактрисы. – Так что же?

– Вы ведь закончили консерваторию? – улыбочиво продолжал он. Я затосковала.

– Ну... вообще-то... да, – проямлила я.

К тому времени прошел год, как я рассталась с должностью концертмейстера и была совершенно свободна для занятий литературой. И эта выстраданная долгожданная свобода все еще казалась мне непозволительным счастьем, чем-то неприличным, неловким, из ряда вон выходящим. Многолетние обязанности по отношению к Музыке реяли за моей спиной грозной недавностью, и я еще не смела до конца поверить, что свободна, свободна, свободна! Так человек, долго таскавший тяжкую ношу и наконец сбросивший ее, рад бы поверить, что легок отныне и порывист, да ноют плечи, ломит поясницу, дыхание неровно.

Маленький вежливый человечек напомнил о моей многолетней каторге, о кнуте, который совсем недавно еще гулял по моим плечам. И плечи мои содрогнулись...

Папа семейства опустил тяжелую авоську с картошкой, и та грузно развалилась на асфальте.

– Я насчет дочки... – продолжал он, разминая руки с багровыми рубчатými следами от веревочной авоськи. – Она такая способная, такая умница, вы просто получите удовольствие!

– А-а, – поняла я, – вы хотите ее музыке учить?

– Вы будете получать большое удовольствие, – просительно повторил он и, спохватившись, торопливо добавил: – Цену сами назовите!

– К сожалению, я уже не связана с музыкой. Понимаете, совсем... – Я сделала огорченно-вежливое лицо и даже ру-

ками слегка развела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.